

УДК 343.1

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ С УЧЕТОМ ОПЫТА ФРГ

© 2020 г.

Я.М. Плошкина

Сибирский федеральный университет, Красноярск

ploshkina_yana@mail.ru

Поступила в редакцию 30.05.2020

Рассматривается проблема соответствия нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (преследования) и освобождения от уголовной ответственности конституционному принципу презумпции невиновности, анализируется позиция Конституционного Суда РФ по данной проблематике, а также приведен зарубежный опыт, в частности Германии, по рассматриваемому вопросу. В результате исследования автор приходит к выводу об отсутствии коллизии между презумпцией невиновности и прекращением уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. При прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям не устанавливается виновность лица, а констатируется отказ органов уголовного преследования от дальнейшего уголовного преследования, от постановки вопроса о виновности лица и от разрешения конкретного уголовного дела по существу. При прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, в том числе на досудебных стадиях, по мнению автора, не совсем корректно говорить об освобождении от уголовной ответственности.

Ключевые слова: презумпция невиновности, прекращение уголовного дела (преследования), нереабилитирующие основания.

В уголовной и уголовно-процессуальной науке немало копий сломано при решении вопроса о соответствии институтов прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям и освобождения от уголовной ответственности конституционному принципу презумпции невиновности. Многие исследователи констатируют коллизию между презумпцией невиновности и нормами об освобождении от уголовной ответственности, а также нормами о прекращении дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, поскольку лицо может быть освобождено внесудебными органами (следователем, дознавателем), а также судом (но не в ходе вынесения приговора) от уголовной ответственности в результате прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям [1, с. 18; 2]. В этом усматривается нарушение конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ), согласно которому каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Согласно презумпции невиновности признавать лицо виновным в совершении преступления правомочен только суд путем вынесения приговора и вступления его в законную силу.

По мнению некоторых исследователей, при прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, т.е. при освобождении от уголовной ответственности внесудебными органами (следователем, дознавателем) или судом, но не в ходе вынесения приговора, констатируется именно виновность лица в совершении преступления [3; 4]. В научной литературе представлены самые разнообразные варианты решения обозначенной проблемы: от отказа применять нормы об освобождении от уголовной ответственности и, соответственно, от запрета прекращать уголовные дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям особенно в досудебных стадиях [5, с. 93] и до попыток пересмотреть содержание принципа презумпции невиновности, расширив, например, постулат, что виновность лица устанавливается не только приговором суда, но и решением органа дознания, следователя, прокурора, суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию [6, с. 12; 7, с. 388]. Предлагается и промежуточный вариант – лишить органы предварительного расследования права прекращать уголовное дело (преследование) по нереабилитирующим основаниям, а наделить данным правом суд, куда должны обращаться внесудебные органы с ходатайством о прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям [8, с. 9; 9,

с. 23]. Однако представленный вариант также не согласуется с конституционным принципом презумпции невиновности, поскольку согласно ст. 49 Конституции РФ виновность лица устанавливается не любым решением суда, а вступившим в законную силу приговором. Данное предложение решения проблемы по сути является завуалированным отказом от презумпции невиновности.

Не имея возможности в данной работе детально рассмотреть различные предложения ученых по решению обозначенной дилеммы, считаем нужным обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, уголовно-процессуальный институт прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям необходим с точки зрения уголовной политики, поскольку в мире и в России, в частности, наряду с классической схемой реакции государства на преступление, центральными элементами которой являются уголовное преследование и наказание, развиваются иные формы реакции государства, в том числе возможность освободить лицо от уголовной ответственности и прекратить уголовное дело (преследование) по нереабилитирующим основаниям, например при примирении сторон, при деятельном раскаянии и т.д. [10, с. 308].

Во-вторых, считаем недопустимыми попытки пересмотреть содержание конституционного принципа презумпции невиновности, установив, в частности, какие-либо ограничения, исключения из него, поскольку презумпция невиновности – это не отраслевой, а конституционный принцип российского права, действующий в различных отраслях права. Исходя из ч. 1 ст. 17 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, не подлежат ограничению права и свободы, указанные в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в том числе и презумпция невиновности. Как отмечал Конституционный Суд РФ в своих постановлениях, «соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям» (постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П; от 8.11.2016 № 22-П). Следовательно, при принятии решений об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, в том числе и на досудебных стадиях уголовного процесса, презумпция невиновности продолжает действовать и не подлежит ограничению.

В-третьих, на наш взгляд, уголовно-правовой институт освобождения от уголовной

ответственности следует рассматривать в неразрывной связи с уголовно-процессуальным правом, поскольку единственным способом реализации материального права является процессуальное право, и в действительности уголовное право и уголовный процесс не могут функционировать друг без друга. Поэтому отказ в возбуждении или прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям является процессуальной формой реализации уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности.

Считаем, что коллизия между конституционным принципом презумпции невиновности и уголовно-процессуальным институтом прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям отсутствует, поскольку до вступления в законную силу приговора суда любые рассуждения о виновности лица, о совершенном им деянии, содержащем все признаки состава преступления, юридически носят гипотетический характер. Поэтому если производство по уголовному делу прекращается на досудебных стадиях или в суде, но не путем постановления приговора, то данное предположение остается недоказанным и презумпция невиновности продолжает действовать [11, с. 409]. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого, и при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям вопрос о виновности лица остается открытым (постановления Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П; от 14.07.2011 № 16-П; от 8.11.2016 № 22-П). Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям «не означает установления виновности лица в совершении преступления» (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П). «Принимая решение об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что *лица*, в отношении которых прекращено уголовное преследование, *виновными в совершении преступления* либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, *не признаны*, а значит, и не могут быть названы таковыми – в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться *лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения*» (постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2011

№ 16-П; от 8.11.2016 № 22-П). Таким образом, по мнению Конституционного Суда РФ, органы расследования при прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям не устанавливают виновность лица, а только отказываются от дальнейшего уголовного преследования. Они отказываются от постановки перед судом значимых уголовно-правовых вопросов о преступлении и наказании и их окончательного разрешения судом, т.е. конкретное уголовное дело никогда не будет разрешено по существу и не будет решен вопрос о виновности лица. Поэтому решение о прекращении уголовного дела (преследования) не противоречит презумпции невиновности. При принятии решения об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям конституционный принцип презумпции невиновности продолжает действовать; а проблема несоответствия нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (преследования) презумпции невиновности является при детальном рассмотрении мнимой [11, с. 409]. Любопытно, что еще задолго до соответствующих заключений Конституционного Суда РФ Л.В. Головкин пришел к аналогичному выводу [10, с. 328].

Интересно, что Конституционный Суд РФ рассматривает указанную проблему только через призму решения вопроса о соответствии института прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, а не института освобождения от уголовной ответственности, конституционному принципу презумпции невиновности. Полагаем, что не случайно Конституционный Суд РФ занял подобную позицию.

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) отсутствует определение термина «освобождение от уголовной ответственности». В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 предусмотрено, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)». В ученой среде нет единства в понимании данного термина. Так, Н.Ф. Кузнецова считает, что «освобождение от уголовной ответственности – это освобождение прежде всего от вынесения обвинительного приговора» [12, с. 120]. С.Г. Келина утверждает, что освобождение виновного от уголовной ответственности означает освобождение его от обязанности держать ответ за деяние, являющееся преступлением, хотя само основание уголовной ответственности – состав преступления –

не исчезает [13, с. 41]. А.И. Рарог полагает, что «освобождение от уголовной ответственности означает выраженное в официальном акте компетентного государственного органа решение освободить лицо, совершившее преступление, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственного принудительного воздействия» [14, с. 262]. Большинство российских ученых считают, что освобождение от уголовной ответственности следует понимать как освобождение виновного от порицания, которое суд объявляет в обвинительном приговоре.

Исходя из этимологии слова «освобождение», можно предположить, что об освобождении от уголовной ответственности речь идет только тогда, когда существует ответственность, т.е. есть то, от чего освобождать. Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Следовательно, сначала деяние, совершенное лицом, признается преступлением, а затем принимается решение об освобождении лица от уголовной ответственности [15]. Но до вступления в законную силу приговора суда мы не можем констатировать и утверждать о совершенном деянии, что оно содержит все признаки состава преступления, о вине лица в его совершении и т.д., так как уголовное дело по существу не разрешено, следовательно, вопрос об уголовной ответственности остается объективно не определенным. Таким образом, юридически невозможно освободить кого-либо от того, что еще не определено и не установлено. В этом, по мнению Л.В. Головкина, заключается главный порок современной конструкции освобождения от уголовной ответственности [10, с. 326]. Поэтому при прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, в том числе на досудебных стадиях, на наш взгляд, не совсем корректно говорить об освобождении от уголовной ответственности, в данном случае речь идет о прекращении уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях избрания подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Уголовное преследование, являющееся сутью уголовного процесса, не обязательно должно заканчиваться постановлением обвинительного приговора. Интересно, что похожий подход предлагал еще М.С. Строгович, который относил истечение срока давности, акт амнистии и пр. к обстоятельствам, устраняющим уголовное преследование, а не к обстоятельствам, освобождающим от уголовной ответственности [16, с. 100].

Наличие различных позиций ученых относительно понимания освобождения от уголовной ответственности обусловлено еще существованием разнообразных подходов к определению уголовной ответственности, которая является краеугольным понятием для уяснения правовой природы освобождения от уголовной ответственности. Не определившись однозначно с содержанием термина «уголовная ответственность», проблематично раскрыть правовую природу института освобождения от уголовной ответственности. Существующие в литературе многочисленные подходы к определению уголовной ответственности только осложняют решение вопроса. Интересно, что категория «уголовная ответственность» зародилась в советское время в середине XX в. Дореволюционное российское право и многие современные зарубежные страны не знакомы с такими правовыми институтами, как «уголовная ответственность», «освобождение от уголовной ответственности».

Для примера обратимся к зарубежному опыту, в частности к законодательству Германии, которое существенно повлияло на формирование российского права, и многие правовые институты, действующие в российском праве, имеют сходства с соответствующими немецкими институтами. Так, в законодательстве Германии таких правовых институтов, как «уголовная ответственность» и «освобождение от уголовной ответственности», не существует. В уголовном праве ФРГ имеются различные правовые последствия деяния: наряду с разнообразными видами уголовных наказаний существуют меры исправления и безопасности, а также меры восстановления (*die Wiedergutmachung*), в рамках которых действует модель компенсации потерпевшему лицом, совершившим деяние [17, с. 3; 18]. Иногда в русскоязычной литературе это переводят не дословно, а рассматривают как примирение с потерпевшим [19, с. 123–132]. В частности, в 1994 г. в Уголовном кодексе ФРГ появился §46а, предусматривающий компенсацию потерпевшему лицом, совершившим деяние, и возмещение вреда в качестве смягчающего наказание обстоятельства, а при наличии определенных условий – основания для освобождения от наказания.

Все основания прекращения уголовного дела (преследования) на досудебных стадиях, прежде всего дознания, в уголовно-процессуальном праве Германии можно систематизировать в зависимости от принципа, положенного в основу прекращения уголовного дела (преследования). Так, уголовные дела (преследования) на стадии дознания могут быть прекращены в со-

ответствии с принципом законности (*Legalitätsprinzip*¹ – §170 II Уголовно-процессуального кодекса ФРГ (далее – УПК ФРГ)) или исходя из принципа целесообразности (*Opportunitätsgrundsatz*) [19, с. 195–196]. Принцип законности означает обязанность прокуратуры возбуждать уголовное преследование (§152 II УПК ФРГ) и предъявлять государственное обвинение при наличии соответствующего подозрения в совершении уголовно наказуемого деяния (§170 I УПК ФРГ). Если расследование не располагает достаточными основаниями для предъявления обвинения, т.е. отсутствует необходимое подозрение в отношении конкретного лица, то уголовный процесс должен быть прекращен в соответствии с §170 II УПК ФРГ.

Противоположным принципу законности является принцип целесообразности, в соответствии с которым органы уголовного преследования свободны в принятии решения относительно того, надо ли осуществлять уголовное преследование в каждом конкретном случае или можно от него отказаться. Органы, осуществляющие уголовное преследование, могут прекратить уголовный процесс, несмотря на наличие достаточного подозрения, необходимого для предъявления обвинения, только по основаниям целесообразности [19, с. 35; 20, с. 19–20]. Если изначально уголовный процесс Германии олицетворял принцип законности, а принцип целесообразности был предусмотрен в основном только в качестве исключения, то в настоящее время с учетом внесенных изменений в УПК ФРГ в части увеличения случаев, когда прокурор вправе отказаться от уголовного преследования по мотивам нецелесообразности, и частотности использования на практике прекращения уголовного дела (преследования), исходя из принципа целесообразности, полагаем возможным констатировать, что начало целесообразности все более вытесняет начало законности [10, с. 28–30; 19, с. 35; 20, с. 19–20]². Основания прекращения уголовного дела (преследования) в стадии дознания в соответствии с принципом целесообразности предусмотрены в различных нормах не только УПК ФРГ (§§ 153–155b УПК ФРГ), но и в ряде других федеральных законов ФРГ, в частности в § 37 Закона ФРГ о наркотических веществах, в § 47 Закона ФРГ об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних. Применительно к делам несовершеннолетних принцип целесообразности является главенствующим по сравнению с принципом законности. Так, основания прекращения уголовного дела (преследования) по мотивам целесообразности можно подразделить на основания прекращения уголовного дела без

отягчающих правовых последствий (§ 153 УПК ФРГ – отказ от уголовного преследования по делам о малозначительных деяниях, § 154 УПК ФРГ – малозначительные дополнительные наказания, § 154a УПК ФРГ – ограничение уголовного преследования, § 154b УПК ФРГ – отказ от уголовного преследования при выдаче и выдворении, § 154c УПК ФРГ – отказ от уголовного преследования жертвы принуждения или вымогательства, § 154d УПК ФРГ – прекращение преследования при разрешении гражданско-правовых и административно-правовых вопросов, § 154e УПК ФРГ – отказ от уголовного преследования при ложном доносе или оскорблении, § 154f УПК ФРГ – прекращение уголовного дела при временных препятствиях), а также на основания прекращения уголовного дела (преследования) по мотивам целесообразности, влекущие отягчающие правовые последствия (например, § 153a УПК ФРГ – отказ от уголовного преследования при возложении обязанностей и предписаний) [19, с. 196; 20, с. 193].

На практике большое значение имеют основания прекращения уголовного дела (преследования) при возложении встречных обязанностей и предписаний, предусмотренные в § 153a УПК ФРГ. Так, с согласия обвиняемого и суда, компетентного решить вопрос о предании обвиняемого суду, прокуратура вправе по делам о проступках временно отказаться от возбуждения государственного обвинения с одновременным возложением на обвиняемого обязанностей и предписаний:

1) обязанность выполнить определенную работу с целью возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием;

2) обязанность внести денежную сумму в пользу общественно полезного учреждения или государственной казны;

3) обязанность выполнить другую общественно полезную работу;

4) обязанность содержания путем выплаты определенной денежной суммы;

5) приложить серьезные усилия для компенсации потерпевшему и при этом возместить последствия совершенного деяния полностью или их большую часть либо серьезно стремиться к их возмещению;

6) принять участие в социальном тренинговом курсе;

7) принять участие в дорожном семинаре в соответствии с предложением 2 абз. 2 § 2b или в семинаре по подготовке водителей в соответствии с § 4a Закона о дорожном движении.

Эти обязанности должны соответствовать значению проступка, а публичные интересы при незначительной вине правонарушителя не вы-

зывать потребность уголовного преследования. Для выполнения данных обязанностей и предписаний прокуратура устанавливает обвиняемому срок, который в случаях, предусмотренных № 1-3, 5 и 7, не может превышать шести месяцев, в случаях, указанных в № 4 и 6, – не более одного года. Прокуратура вправе постфактум отменить выполнение обязанностей и предписаний и один раз продлить их срок на три месяца. С согласия обвиняемого прокуратура вправе постфактум возложить на него обязанности и предписания и их изменить. В случае выполнения обвиняемым возложенных на него обязанностей и предписаний совершенное им деяние не может считаться проступком, подлежащим уголовному преследованию. В противном случае работа, выполненная обвиняемым в соответствии с возложенными на него обязанностями и предписаниями, не возмещается. В случае предъявления государственного обвинения суд вправе с согласия прокуратуры и обвиняемого временно прекратить уголовное дело (преследование) с одновременным возложением на обвиняемого соответствующих обязанностей, предписаний.

На практике наиболее распространенными основаниями прекращения уголовного дела (преследования) являются уплата денежной суммы в пользу общественно полезного учреждения или государственной казны и совершение действий, направленных на компенсацию потерпевшему³. Именно последнему основанию прекращения уголовного дела (преследования) посвящены два параграфа в УПК ФРГ: § 155a УПК ФРГ – компенсация потерпевшему лицом, совершившим деяние, и § 155b УПК ФРГ – реализация компенсации потерпевшему. Интересно, что перед немецкими правоведами стоял вопрос о соответствии презумпции невиновности такому, в частности, правовому институту, как компенсация потерпевшему. Так, некоторые ученые полагали, что в решении прокуратуры о прекращении уголовного дела на досудебной стадии по данному основанию содержится констатация вины лица, которому правоохранительные органы инкриминируют совершение уголовно наказуемого деяния, и, соответственно, нарушается презумпция невиновности. Окончательную точку в споре поставил Конституционный суд ФРГ. В своих решениях суд конкретизировал, что никто не может быть признан виновным до тех пор, пока его вина не будет установлена судом в законном порядке, и что без вступившего в законную силу обвинительного приговора не могут назначаться никакие схожие с наказанием меры уголовно-правового воздействия, которые по общему

правилу возможно возложить только на виновное лицо. В соответствии с устоявшейся позицией Конституционного суда ФРГ при прекращении уголовного дела в соответствии с параграфом § 153а УПК ФРГ не устанавливается виновность лица; вопрос о виновности остается открытым [21, с. 373; 22, с. 2427]. В связи с этим отсутствует коллизия между презумпцией невиновности и таким основанием прекращения уголовного дела (преследования), как компенсация потерпевшему лицом, совершившим деяние [23, с. 66–67; 24, с. 7–9].

Таким образом, законодательство Германии, оказавшее большое влияние на формирование российского права, незнакомо с проблемами, связанными с неоднозначным пониманием таких правовых категорий, как «уголовная ответственность», «освобождение от уголовной ответственности», ввиду их отсутствия. При этом отсутствие подобных правовых институтов никак не влияет и не ущемляет правовую природу таких категорий, как «компенсация потерпевшему» (или в русском варианте – примирение с потерпевшим) и пр., наличие которых является основанием в уголовном процессе для прекращения уголовного дела (преследования) на досудебной стадии, а, кроме того, отсутствие такого института, как освобождение от уголовной ответственности, не осложняет решение вопроса о соответствии презумпции невиновности ряда оснований прекращения уголовного дела (преследования) исходя из мотивов целесообразности, в частности при примирении с потерпевшим. В российском праве отдельные ученые отмечают, что освобождение от уголовной ответственности – это не совсем удачный «плод воображения законодательства и доктрины исключительно советской эпохи» [10, с. 336–337].

Примечания

1. Имеются различные варианты перевода данного принципа с немецкого на русский язык: принцип законности, легальности или принцип монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование и предъявлять государственное обвинение при наличии соответствующего подозрения (§ 170 II УПК ФРГ), как понимается он в немецком уголовно-процессуальном праве. Полагаем, что с целью единообразного понимания данного принципа допустимо использовать такой термин, как принцип законности.

2. Информация получена в ходе интервьюирования немецких практиков: адвокатов, прокуроров.

3. Информация получена в ходе интервьюирования немецких практиков: адвокатов, прокуроров.

Список литературы

1. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: Учебное пособие. М., 2002. 157 с.

2. Коробов П.В. Виды освобождения от уголовной ответственности и принцип презумпции невиновности // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 37–40.

3. Артамонов А.Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 71–78.

4. Проценко С.В. О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22–26.

5. Ларин А.М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Суд и применение закона. М., 1982. С. 93–95.

6. Тарасова Г.В. Гарантии законности и обоснованности прекращения уголовных дел органами дознания и предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.

7. Уголовное право РФ. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.

8. Варяник А.А. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

9. Петрухин И.Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 23–25.

10. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

11. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М.: Статут, 2017.

12. Новое уголовное право России. Общая часть. М., 1996.

13. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974.

14. Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рапога. М., 1998.

15. Арсентьева Ю.В. О природе института освобождения от уголовной ответственности // Российский следователь. 2006 № 1. С. 14–16.

16. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946.

17. Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Bd. 1. 4. Aufl. München, 2005. S. 456.

18. Щедрин Н.В. Новый уголовный кодекс России в контексте социального управления // Lex Russica. 2015. № 3. С. 48–61.

19. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004.

20. Beulke W. Strafprozessrecht. 14. Auflage. Heidelberg, 2018. S. 366.

21. BVerfGE 74, S. 373 f; 82, S. 116 f.

22. BVerfG NJW 1987, S. 2427.

23. Buhlmann S. E. Die Berücksichtigung des Täter-Opfer-Ausgleichs als Verfahrensgrundsatz? Frankfurt am Main, 2005. S. 199.

24. Kaspar J., Weiler E., Schlickum G. Der Täter-Opfer-Ausgleich. Recht-Methodik-Falldokumentation. München, 2014. S. 149.

**PRESUMPTION OF INNOCENCE AND THE TERMINATION OF CRIMINAL CASE
ON NOT REHABILITATING GROUNDS IN THE RUSSIAN FEDERATION TAKING INTO ACCOUNT
EXPERIENCE OF GERMANY**

Ia.M. Ploshkina

In article the problem of the relationship of not rehabilitating grounds of the termination of the criminal case (prosecution) and release from the criminal liability to the constitutional principle of the presumption of innocence is considered. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue and the foreign practice, in particular Germany, are analyzed. As a result, the author concludes about the lack of a collision between the presumption of innocence and the termination of the criminal case (prosecution) on not rehabilitating grounds.

Keywords: the presumption of innocence, the termination of criminal case (prosecution), not rehabilitating grounds.

References

1. Inogamova-Hegaj L.V. Konkurenciya ugolovno-pravovyh norm pri kvalifikacii prestuplenij: Uchebnoe posobie. M., 2002. 157 s.
2. Korobov P.V. Vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti i princip prezumpcii nevinovnosti // Rossijskaya yusticiya. 2012. № 1. S. 37–40.
3. Artamonov A.N. Prekrashchenie ugolovnogogo dela (ugolovnogogo presledovaniya) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Zakonodatel'stvo i praktika. 2015. № 2. S. 71–78.
4. Procenko S.V. O protivorechii dejstvuyushchego instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti osnovnym polozheniyam Konstitucii RF // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 19. S. 22–26.
5. Larin A.M. Prezumpciya nevinovnosti i prekrashchenie ugolovnogogo dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Sud i primenenie zakona. M., 1982. S. 93–95.
6. Tarasova G.V. Garantii zakonnosti i obosnovannosti prekrashcheniya ugolovnyh del organami doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2001.
7. Ugolovnoe pravo RF. Obshchaya chast': Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V.S. Komissarova, N.E. Krylovoj, I.M. Tyazhkovoj. M., 2012.
8. Varyanik A.A. Prekrashchenie publichnogo ugolovnogogo presledovaniya (dela) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam: problemy normativnogo regulirovaniya i pravoprimeneniya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2005.
9. Petruhin I.L. Prezumpciya nevinovnosti – konstitucionnyj princip sovetskogo ugolovnogogo processa // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 12. S. 23–25.
10. Golovko L.V. Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave. SPb., 2002.
11. Kurs ugolovnogogo processa / Pod red. L.V. Golovko. 2-e izd. M.: Statut, 2017.
12. Novoe ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'. M., 1996.
13. Kelina S.G. Teoreticheskie voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti. M., 1974.
14. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' / Pod red. A.I. Raroga. M., 1998.
15. Arsent'eva Yu.V. O prirode instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Rossijskij sledovatel'. 2006 № 1. S. 14–16.
16. Strogovich M.S. Ugolovnyj process. M., 1946.
17. Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Bd. 1. 4. Aufl. München, 2005. S. 456.
18. Shchedrin N.V. Novyj ugolovnyj kodeks Rossii v kontekste social'nogo upravleniya // Lex Russica. 2015. № 3. S. 48–61.
19. Bojl'ke V. Ugolovno-processual'noe pravo FRG / Per. s nem. Ya.M. Ploshkinoy; Pod red. L.V. Majorovoj. Krasnoyarsk, 2004.
20. Beulke W. Strafprozessrecht. 14. Auflage. Heidelberg, 2018. S. 366.
21. BVerfGE 74, S. 373 f; 82, S. 116 f.
22. BVerfG NJW 1987, S. 2427.
23. Buhlmann S. E. Die Berücksichtigung des Täter-Opfer-Ausgleichs als Verfahrensgrundsatz? Frankfurt am Main, 2005. S. 199.
24. Kaspar J., Weiler E., Schlickum G. Der Täter-Opfer-Ausgleich. Recht-Methodik-Falldokumentation. München, 2014. S. 149.